Для цитирования: Скоробогацкая Н. А., Скоробогацкий В. В. Проблема методологии социального познания в свете принципа конструирования (к истории вопроса) // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 7–17.

УДК 101.1: 316

ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ В СВЕТЕ ПРИНЦИПА КОНСТРУИРОВАНИЯ (к истории вопроса)

Скоробогацкая Наталья Александровна,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина,
доцент, кандидат философских наук,
Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург,
ул. Мира, д. 19..
E-mail: vyacheslav.skorobogatsky@ui.ranepa.ru

Скоробогацкий Вячеслав Васильевич,
Уральский институт управления –
филиал РАНХиГС,
профессор, доктор философских наук,
Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург,
ул. 8 Марта, д. 66.
E-mail: vyacheslav.skorobogatsky@ui.ranepa.ru

Аннотация
Статья посвящена проблеме становления и исторической эволюции методологии социального познания. Отталкиваясь от предположения о ключевой роли принципа конструирования в этом процессе, авторы попытались раскрыть условия и причины идеологизации социального познания в советской науке XX в. Скрытым основанием стагнации в области методологии социального познания в современной российской науке является дискурс революции. Он сложился под влиянием системной трансформации европейского общества в сфере политики, экономики, социальных институтов, культуры. Под именем марксистской диалектики он стал не только метаметодологией социальной науки в советской России, но и оказал негативное воздействие в ряде отраслей естествознания и математики.
В качестве первого шага на пути обновления методологии социального познания в статье рассматривается деидеологизация как процесс изживания дискурса революции и создания условий для формирования нового общенаучного дискурса.

Ключевые понятия:
методология социального познания,
принцип конструирования,
идеология,
диалектика как дискурс революции,
метаметодология.

Одна из «болевых точек» отечественной социальной науки – проблема методологии, находящейся в состоянии стагнации. Неявной основой используемых подходов и приемов научного исследования остается марксистско-ленинский арсенал, фрагментарно дополняемый заимствованиями из модных течений (синергетика, постструктурализм, неоинституционализм). Но в принципе тесная связь методологии социального познания с классовым, партийным или идеологическим «заказом», ее откровенная политическая ангажированность – дело прошлое, и влияние марксистской теоретико-методологической базы на социальную науку имеет инерционный характер. Для обновления методологии социального познания большое значение имеет выбор ориентира, указывающего на глубинные тенденции в развитии социальной науки. С нашей точки зрения, таким ориентиром является принцип конструирования, который с середины XVIII в. определяет общее направление становления и развития социального знания во взаимосвязи с процессами трансформации в области экономики, культуры, государственного устройства, социальных отношений и структур. В целом эти процессы завершают переход новоевропейского общества от традиционного к индустриальному состоянию. Составляющими этого перехода были промышленная и политическая революции, урбанизация, возникновение массовой культуры и другие аспекты (грани) модернизации.

1. Взаимосвязь опыта и конструирования в научном познании

Основное значение принципа конструирования заключается в том, что он разворачивает теоретическое мышление в область, которая со времен античности носит название «технэ», с широким спектром значений – от ремесла до искусства. Это сфера, где решающее значение имеет опыт. Установка на опыт, извлечение предельной полезности – граница, отделяющая социальное знание от отвлеченно-теоретического, представленного математикой или философией, а также от гуманитарного знания. Вместе с тем социальное знание сближается с техническим знанием, получившим к тому времени бурное развитие в контексте промышленной революции в Англии и успехов естествознания – механики, термодинамики, теории электричества.

Но не меньшее воздействие принцип конструирования оказал и на область теоретического разума, который по традиции апеллировал к трансцендентным источникам. Это не только Логос античности или Бог схоластики, но и философский Бог в системах Декарта и Спинозы. Опыт – одна из ключевых категорий в философии Канта. Разворот теоретического мышления к «технэ» у него сопровождается обратной эволюцией – выявлением трансцендентальных условий возможности опыта. Так выявляется более высокое, сверхэмпирическое значение опыта как основы становящейся европейской культуры Нового времени.

Как показал Кант, опыт не отлагается сам собой, с течением времени: условием его возможности является категориальный каркас: «Опыт сам есть вид познания, требующий [участия] рассудка, правила которого я должен предполагать в себе еще до того, как мне даны предметы, стало быть, a priori; эти правила должны быть выражены в априорных понятиях, с которыми... предметы опыта должны необходимо сообразовываться и согласовываться» [5, с. 19]. Предшествующий познанию каркас имеет два измерения. Первое из них – теоретическое: понятия и принципы, посредством которых материал опыта получает форму знания. В данном случае речь идет о том, что знание является продуктом мыслительной работы, включающей в себя не только операции «над» предметом, но и формирование определенной позиции, с которой этот предмет рассматривается и которая задает смысловую рамку рефлексии, т. е. ограниченный культурно-историческими условиями спектр возможных интерпретаций, или «прочтений», изучаемого предмета. В этом плане знание как бы извлекается, «вычитывается» из «текста», в форме которого оно производится и функционирует в системе коммуникационных связей культуры.

Впервые идея теоретического «априори» была высказана Ф. Бэконом в его «Наукоучении» в виде положения о том, что для получения научного знания необходимо конструировать опыт (познание в форме экспериментальной деятельности) посредством разума и в соответствии с правилами [3, с. 76]. Подлинным субъектом познания Бэкон считал научный опыт, который должен был судить о предмете, и отводил сознанию человека функцию интерпретации его данных (опыта) [3, с. 77]. С точки зрения Бэкона, научное познание – процесс вторжения субъекта в мир вещей, объективный по своей сути. Возникающее в ходе этой экспансии знание – результат компромисса между изначальной объективностью природы и присущей человеку произвольностью. Способ достижения такого компромисса в науке – метод, или система правил, регулирующих и направляющих действия познающего субъекта к достижению истины. Данный компромисс включал в себя как составную часть стратегию очищения познания (опыта) от ложной субъективности – «идолов сознания», которые имели несомненное гуманитарное происхождение, относились к формообразованиям культуры.

Внимание, которое Бэкон уделял теме «идолов сознания», свидетельствует, что в составе «Наукоучения» наряду с теоретическим «априори» имплицитно присутствует его тень, его отрицательный двойник – социальное «априори». Со временем радикальный подход Бэкона сменился более сдержанной позицией, допускавшей дифференцированное отношение к данному феномену. Общая негативная оценка социального «априори» не только смягчается и дополняется признанием неустранимости «человеческого» из структуры познания. Оно начинает рассматриваться как вполне самостоятельное и легитимное основание особого вида знания по сравнению с научным (точным). Так, в «Рассуждении о методе» Декарт по этому поводу замечает: «Привычка и пример убеждают нас больше, чем какое бы то ни было точное знание» [4, с. 259]. Еще резче высказался в данном отношении Шпенглер, который включил в сферу действия этого основания и науку: «Я утверждаю, что в основании всякого “знания”, хотя бы и самого точного, лежит религиозная вера» [15, с. 498].

Шпенглер предвосхитил выводы, к которым придут психология масс и социология знания, сделавшие проблему социального «априори» предметом научного исследования. Существо этих выводов состоит в обнаружении его действительной функции в формировании опыта: оно образует второе (обыденно-практическое, социальное) измерение категориального каркаса, обеспечивающее уверенность человека в реальном существовании предмета знания [1, с. 9]. В отсутствие этой уверенности феномен знания как таковой невозможен. Из этого не следует, что исчезают всякие границы, отделяющие знание от незнания (заблуждения, лжи): уверенность в реальности предмета

есть необходимое, но отнюдь не достаточное условие знания.

Вера в реальность коренится не в психологии человека, она является результатом воздействия на него структуры искусственного происхождения – культурного наследия; оно составляет окружающую его среду и включает в себя убеждения, институты, технологии и инструменты [10, с. 25, 61]. В качестве культурного эффекта вера в реальность сродни ментальности и относится к явлениям, существующим на границе между сознанием и коллективным бессознательным. Это сфера социальных стереотипов, которые проникают в сознание и поведение индивида, в его жизненный мир по каналам культурной коммуникации, транслирующим символы и ценности предыдущих поколений [8, с. 80–81].

Возвращаясь к Канту, надо отметить, что его тезис: «Мне пришлось ограничить... знание, чтобы освободить место вере» [5, с. 24] – предполагает иное понимание веры по сравнению с предшествующими философами, не только средневековыми схоластами, но и представителями Нового времени, от Декарта до Беркли. Кант рассматривает сферу оснований (источников) познания в новой перспективе, горизонт которой образует не трансцендентное (Логос, Бог, «небо»), а трансцендентальное (идеи, принципы, категории культуры как условия возможности опыта). И, соответственно, он ведет речь не о религиозной вере, но о вере в реальность как трансцендентальном условии познания, дополнительном по отношению к теоретическим условиям. Иначе говоря, о том, что к трансцендентальным условиям возможности познания относятся и теоретические, и социальные факторы. Что вера в реальность придает знанию не только когнитивный, но и ценностный характер.

Принципиально новый взгляд на природу знания как феномена многомерного и несводимого к узкотеоретическому аспекту – важнейший результат влияния принципа конструирования на философскую теорию познания. В ходе критического пересмотра Кантом основоположений «старой» метафизики был сделан решающий шаг в сторону социального (социокультурного) измерения познания. Гносеологическая легитимация социального познания (знания), научность которого отрицалась со времен «Наукоучения», открывала возможность уравнять социальное знание в правах с естествознанием, долгое время считавшимся образцом научности. Более того, О. Конт, создав уже в XIX в. науку об обществе – социологию, тут же приписал ей статус «царицы наук». С этого времени становится ясно, что казавшаяся ранее очевидной противоположность собственно теоретического и социального в познании – в известной мере условность, является данью традиции; что можно говорить лишь о различных пропорциях в соотношении теоретического и социального в тех или иных видах научного познания и знания. Это означает, что научное не тождественно теоретическому, не исчерпывается им, что оно предполагает определенное сочетание теоретического и социального. И потому с точки зрения критерия научности социальное знание не является чем-то второсортным и не уступает ни математике, ни естествознанию. Хотя даже Конт, при всем его энтузиазме относительно перспектив социологии, использовал (вероятно, для большей «научности») термины и модели, заимствованные из физики («социальная физика», «статика», «динамика» и др.).

Таким образом, принцип конструирования не только определил социальное назначение науки как инструмента переустройства действительности, но и задал требования, в соответствии с которыми классическая наука меняла внутреннее строение, а методология стала важнейшим направлением, обеспечивающим ускоренное приращение знания и «индустриализацию» науки, ее интеграцию в экономику и политику индустриального общества.

2. Идеология и диалектика: на пути к дискурсу революции

Традиционно как в советской, так и в современной российской науке методологическая проблематика в основном была и остается связанной с анализом теоретической стороны категориального каркаса. На первом плане находятся вопросы определения понятий, обоснования принципов, разработки методов и исследовательских процедур. Социальная сторона категориального каркаса затрагивалась только в связи с критикой идеализма, в первую очередь, субъективного (Беркли), агностицизма (Кант) или феноменологии, прямо или косвенно отрицавших непосредственную реальность мира вещей. Причины такого отрицания-сомнения в соответствии с установкой, заданной основоположниками марксизма, усматривались

в социальном заказе правящего класса, который для сохранения своего экономического и политического господства нуждался в ложной картине мира [7, с. 16–35]. По словам Энгельса, эта картина мира создавалась усилиями идеологов, которые берут ложь как принцип, как исходный пункт: «Идеология – это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным» [16, с. 83]. Подмена всеобщего частным, классовой точкой зрения, пронизанной властным стремлением захватить и подчинить себе все другие возможные точки зрения, считалась неизбежным следствием воздействия социально-классового мира на сферу сознания, познания, науки. Идеологии как превращенной форме, которая охватывала эту сферу снизу доверху, от «темной», косноязычной иррациональности пролетарского или люмпенского сознания до рационально сконструированных философских систем немецких идеалистов, Маркс и Энгельс противопоставили положительную науку будущего [17, с. 525]. Ее специфику они выводили из социальной стерильности, неангажированности познания и его субъекта. В мире, где исчезнет почва для социально-классовых различий и противоречий, путь мышления к всеобщему (истине) будет пролегать исключительно в проблемном поле «чистой» науки, свободной от воздействия социального контекста вследствие гармонизации отношений между человеком и человеком, человеком и обществом, человеком и природой.

Такая трактовка социального «априори» как негативного по отношению к науке и чужеродного ей фактора, подлежащего устранению, несмотря на свою революционность, на деле продолжает линию Ф. Бэкона, провозгласившего необходимость очищения науки от «идолов сознания» как средства достижения автономности познания – деятельности человеческого разума, свободной по отношению к социальной реальности. Вообще, как таковая идея автономности, суверенности различных сфер деятельности была связана со вступлением европейских обществ в эпоху Модерна [14, с. 17–18]. Она по существу выполняла функцию парадигмального установления, которое обосновывало социально-профессиональное самоопределение той или иной обособленной области деятельности и идентификацию ее специальных (частных) субъектов. В сфере политики, например, одним из первых о ее автономии заговорил Макиавелли [6, с. 78–79]. С нашей точки зрения, теоретико-познавательный смысл идеи автономности был связан с обеспечением объективности познания, под которой понималось очищение предмета познания от возможных примесей человеческого, субъективного.

Так, например, первичной логико-гносеологической процедурой «обработки» объекта, превращения его в предмет познания, собственно, паролем на вход в сферу теоретического мышления является абстрагирование. Но его задачей было не только отвлечение от единичных, чувственно данных качеств объекта, но и от индивидуальных, психологических, культурных, социальных особенностей самого субъекта. Конечная цель абстрагирования и последующих за ним логических операций – установление соответствия между содержащей истину «глубиной» (сущностью) объекта и сведенным (или возведенным) на уровень разумного мышления, «расчеловеченным» и вырванным из социокультурной среды субъектом. Он становился носителем точки зрения всеобщего, в ракурсе которого только и возможно было добывание истинного знания, залегающего как золотоносная жила в недрах бытия. Установление соответствия между объектом и субъектом (закрепленного, например, принципом тождества мышления и бытия) было условием возможности познания как движения мышления вглубь вещей, как отражения их «природы».

Принцип соответствия был связан с утопией полного знания, ставшей в эпоху Просвещения культурной почвой для художественного и социального конструирования «новых миров». Полное знание рассматривалось как сила, которая должна устранить появление неопределенностей, идущих из внешней среды и тем самым обеспечить ее обладателю господство над социальными и природными стихиями. В ситуации перехода от традиционного общества к индустриальному утопия полного знания заменила в структуре культуры традицию – тот механизм, действием которого поддерживалась внутренняя непрерывность, последовательность, устойчивость культуры и общества как целого в условиях изменений под влиянием внешней среды. Традиция «снимала» изменение, включая новое в мир ставшего, вечных образцов, отыскивая ему «корни» в глубине, в прошлом, используя в функции объяснительного принципа генеалогию. Утопия полного зна-

ния адаптировала новизну иначе – проецируя новое явление, как частное, на экран общих понятий. Объяснить здесь – значит определить, то есть найти формулу, связывающую это частное с целым и позволяющую исчислить бесконечное множество подобных «частных» проекций общего. Исчисление, вывод – таковы инструменты развертывания полного знания, его осуществления, выведения из потаенности бытия в мир повседневной жизни. В процессе извлечения истины общее меняет форму существования, выступая в виде дифференцированного целого, составленного из множества «частностей», соотносящихся друг с другом на началах субординации и координации. Если же подведение частного под общее по каким-то причинам не удается, это частное объявляется чем-то «незаконным» – случайностью, или событием, выпадающим из мировой связи.

Три тома гегелевской «Науки логики» дают исчерпывающее обоснование новоевропейской концепции познания, начало которой составило Наукоучение Ф. Бэкона. Но этот же подход к познанию лежит и в основе «Лекций по философии истории» Гегеля. На примере «Лекций...» становится очевидным, что устранение социального «априори», предельная теоретизация познания и его методологии приводит к появлению некой универсальной «точки зрения», одновременно теоретической и методологической. Она очерчивает позицию сверхчеловеческого Ума, которая возвышается над наукой в целом, как над естествознанием, так и над формирующейся социальной наукой. Эта «точка зрения» – гегелевская диалектика; это воплощение утопии полного знания, которая отрицает и основополагающее значение опыта для науки и культуры Нового времени, и те выводы о необходимости коперниканского переворота в философии и перехода от старой метафизики к новой, которые сделал Кант.

Гегелевское понимание методологии, тем не менее, было внутренне «заражено» идеей конструирования. Его диалектика была категориальной матрицей конструирования действительности, природной, социальной и человеческой, которое в определенной мере пародировало творение мира Богом, поскольку его субъектом у Гегеля выступает «сверхчеловек». Это нечто среднее между кантовским носителем трансцендентального начала (культуры) и спинозовским Богом, отрицающим свою трансцендентность по отношению к миру и пантеистически сливающимся с ним в акте творения. Лишенное социального «априори» с его ограничениями, конструирование по-гегелевски превращается в утопическое строительство нового мира. Основные контуры этого нового, тем не менее, определяются традицией, прошлым и тем (теоретическим) углом зрения, который свойствен образованному человеку (классу), взрослому в идейной атмосфере Просвещения и надежд, порожденных французской революцией. Собственно, традиция, на которую опирается и которую развивает гегельянство, представляет собой трансляцию в пространстве и времени культуры XIX в. принципов и ценностных установок Просвещения, а точнее – дискурса революции. Гегелевское наследие в его основных чертах было заимствовано марксизмом, и классическим, и русско-советским. Провозглашенная Марксом задача – перевернуть диалектику, поставив ее с головы на ноги, – была актом социального и политического «обмирщения» диалектики, приспособления ее к новому историческому субъекту – человеку эпохи «восстания масс».

3. Идеологическое конструирование в эпоху «восстания масс»

Благодаря дискурсу революции гегельянство в лице учеников и последователей становится концепцией власти, маскируя интерес к столь «низменной» (с точки зрения традиции) материи рассмотрением ее, власти, как субстанциальной силы. Вполне в духе Бэкона в рамках этого дискурса путь к власти неотделим от научного познания: знание (более или менее полное и точное) – универсальная сила, не просто открывающая доступ к власти, но являющаяся ее, по-гегелевски говоря, действительностью, т. е. совпадением сущности и существования. Полнота власти предполагает полное знание. Стремление к искомой полноте образует движущую цель познания. Его практическим итогом должно стать устранение всякого рода неопределенностей, обеспечение контроля и управления стихийными силами природы и общества и на этой основе – возможность господства над миром для человека, владеющего ключами к сокровищницам полного знания.

Этот ученый, «доктор Фауст», – маг, который посредством формул вызывает к действию могущественные силы, таящиеся в глубинах мироздания. С оговоркой, что

формулы эти – не заклинания, а знания, которые материализуются в виде технических устройств, позволяющих управлять не только взаимодействием тел природы (промышленность), но и поведением человеческих масс (политика). Вектор приложения машинизированного знания смещается – от природы к человеку и обществу. Так, на исходе века Просвещения совершается радикальная трансформация, в ходе которой бэконовский феномен знания-силы уступает место знанию-власти. Одним из условий изменения статуса знания и способа его социального функционирования вслед за утопией полного знания стала идея абсолютной детерминированности природного и исторического процессов. Бентам, Кондорсе и Лаплас, каждый на свой лад, придали этой идее последовательное и завершенное выражение. Не случайно, что это совпало по времени с рождением концепции идеологии, которая первоначально, в работах А. Дестюта де Траси, рассматривалась в виде логической машины, предназначенной для систематического, массового производства научного знания, отвечающего критерию истинности. Вначале казавшийся экзотическим (известно пренебрежительное отношение Наполеона к первым «идеологам» как прожектерам), этот замысел неожиданно приобрел актуальное значение в меняющемся политическом и социальном контексте. Новый контекст был задан ключевыми, поворотными событиями европейской истории Нового времени – промышленной революцией в Англии, которая в начале XIX в. перекинулась на континент, и Французской революцией, открывшей целую эпоху наполеоновских войн, бесповоротно изменивших политический облик Европы.

Промышленная революция внесла в европейскую жизнь представление о машине как устройстве, в котором материализуется знание и которое человек конструирует в соответствии с собственными целями и использует в качестве инструмента контроля и управления взаимодействиями (столкновениями) вещей природы, извлекая из этого полезный для себя результат. В свою очередь, революция во Франции и последовавшая за ней наполеоновская эпоха со всей очевидностью показали едва ли не решающее влияние социальных и политических доктрин на массовые движения, а также роль личности и знания в конструировании машин особого рода – как новой социальной организации, соответствующей требованиям становящегося индустриального общества, так и политических систем. Примером успешного конструирования новой социальной организации может служить гражданский кодекс Наполеона, ставший институциональной матрицей формирования социальных отношений нового типа не только во Франции, но и в соседних государствах. Что касается разработки политических систем как машин власти, то ее «технологической» особенностью стало конструирование институтов, которые придали бы власти характер постоянно возобновляемого ресурса. В предшествующих обществах, основанных на социальном порядке ограниченного доступа [11, с. 82–85], условием власти были институты, которые обеспечивали контроль материальных (природных, экономических, демографических, принудительно-силовых) ресурсов. Сокращение ресурсной базы или доступа к ней понижало потенциал власти, а утрата этой базы приводила к потере власти, поскольку она не имела внутренних источников, напрямую зависела от таких факторов, как богатство и сила, и была, по сути, символическим интегратором материальных ресурсов.

Относительно независимым от богатства и силы источником власти, связанным с использованием по преимуществу нематериальных (когнитивных, информационных и культурных) ресурсов, стала публичная политика, основанная на массовом участии и демократических процедурах. Но для того, чтобы эта политика приобрела устойчивый, системно организованный и эффективный характер, первоочередной задачей является конструирование новых институтов. Таких, которые бы обусловили (1) расширение прав и свобод, обеспечивающих реальную автономию индивидов, их способность к самозаконодательству в обустройстве частной жизни, (2) массовый выход социальных низов и средних слоев на сцену публичной политики, (3) возможность создания независимых от государства организаций безличного типа как структурных элементов гражданского общества [11, с. 47–49] и (4) политический контроль государственной власти, структурно распределенной по вертикали и горизонтали социального пространства. Новая политика, динамическую основу которой составили институциональные изменения, направленные на расширение прав и свобод больших масс людей, стала генератором, порождающим мощный поток неопределенностей. Их источником была

уже не внешняя среда, а сфера социальных взаимодействий акторов различного вида – социальных групп, организаций, индивидов.

Ближайшим следствием всего этого стало «восстание масс». Обусловленный им новый социально-политический контекст остался вне поля зрения Маркса и Энгельса, которые в культурном и научном отношении принадлежали к уходящей эпохе, но в значительной мере был подмечен русскими марксистами, в первую очередь Лениным и Богдановым. В «Тектологии» последний прямо указал на несовременность и ненаучность концепции идеологии, выработанной классическим марксизмом: «Он оставил без выяснения объективную роль идеологии в обществе, ее необходимую социальную функцию... Он не ставил вопроса в общей форме и для многих важных случаев брал без критики старые, донаучные формулировки. ...Организационная теория сразу изменила эти понятия, устранила их пестроту и неопределенность, указала действительное и необходимое место идеологии в жизни общества. Это организующие формы для всей практики общества, или, что то же, ее организационные орудия» [2, с. 135].

Перемена отношения русских марксистов к идеологии связана с новым истолкованием ее функции в эпоху «восстания масс»: теперь это оружие контр-элиты в борьбе за политическую власть. Не богатство или сила, а публичная политика, приводящая в движение вышедшие на историческую авансцену массы, становится коротким путем к господству. В политическом контексте, обусловленном появлением феномена знания-власти, стало очевидным, что знание в его классической форме научного (строгого, точного) знания не представляет ценности для человека-массы. «Всякая политика, основывающаяся на интересах и разуме человека, особенно в массовом обществе, смотрит на факты сквозь розовые очки абстрактных экономических и социологических теорий, искажая эти факты. И она не видит человека в полном объеме, она слепа к его эмоциям и памяти, к его желаниям и мифам. Свои собственные иллюзии она принимает за реальность. Созданная и управляемая научными моделями, такая ясная, логическая власть годится для кучки философов, ученых и государственных деятелей. Но для масс она остается совершенно чуждой» [9, с. 58].

Вследствие этого обнаруживается, что научное знание – непригодный материал для политического конструирования, которое нацелено на создание условий для захвата власти. Материалом для такого конструирования является знание догматическое и утопическое; оно должно (1) быть простым, наглядным и непогрешимым, обладать качеством абсолютной истины и (2) создавать образ действительности более приемлемой, чем существующая [9, с. 152–155]. В новом контексте («восстание масс») идеология от одного полюса антиномии, созданной веком Просвещения, – наука, сдвигается к противоположному полюсу – религия. Эта реакция обусловлена, помимо прочего, духовным вакуумом в обществе. Его причина – секуляризация культуры и ускоренная атеизация образованного класса под воздействием идеалов Просвещения. Идеология со временем занимает место религии, являясь по существу ее светским функциональным аналогом, точнее, порождая таковой в виде политической (гражданской) религии, но уже в условиях тоталитаризма.

Большевики в России оказались единственной политической силой, поставившей задачу конструирования политических машин власти, альтернативных государству и существующих рядом с ним. Первая из них – партия как организация профессиональных революционеров, ставшая материнской платформой, питавшей и направлявшей жизнедеятельность целой совокупности организаций (государство, профсоюзы, местные советы, женсоветы, комсомол, кооперация, творческие союзы и т. п.) после революции и гражданской войны. Создание и эффективное функционирование машин власти было возможно при условии соответствующей институциональной среды. Поэтому конструирование политических машин власти шло рука об руку с конструированием новых систем в экономике и в социальной и культурной областях, с решительной трансформацией общества снизу доверху, завершая этот процесс и закрепляя его итоги антропологической революцией – сотворением нового человека усилиями инженеров человеческих душ. К их числу относили не только писателей, но и всех работников идеологического фронта. Функция идеологии в системной трансформации общества заключалась в создании условий для «производства» такого вида знания, которое бы, ввиду почти полной непригодности для этих целей научного знания, стало материалом конструирования новых политических и иных институтов общества.

Именно эта функция идеологии как базовой структуры в сфере духовного производства закрепила сдвиг марксистской идеологии к полюсу религии. Конечным результатом этого сдвига стала тенденция к популяризации и одновременно догматизации знания, в первую очередь, знания об обществе. Достигалось это посредством абсолютизации социальных факторов даже в тех областях знания (естествознание, математика, языкознание), которые, казалось бы, были предельно удалены от общественно-политических актуализаций: «буржуазная лженаука» (кибернетика), «советская» физика, «мичуринская» биология. Популярное и догматизированное знание стало не только духовной «пищей» советского человека, проходившего идеологическую обработку в системе образования, но и «плотью» общественных институтов, скреплявших жизненный уклад советских людей. В своем социальной функционировании эти институты выполняли ряд функций: они (1) поддерживали веру в реальность и осуществимость революционного идеала; (2) утверждали приоритет социального над теоретическим под лозунгом превосходства революционной практики перед теорией (в том случае, если речь шла о теории самого Маркса, использовали формулу «творческое развитие марксизма»); (3) формировали культурную традицию, так называемую культуру партийности, согласно которой классовая точка зрения объявлялась первым условием возможности картины мира, отвечавшей требованиям научности и истинности.

4. Идеология и дискурс: предпосылки новой методологии

Так начинается другая эпоха – время массовых идеологий, служащих инструментами в руках вождей по завершении «восстания масс». Вождь и масса – два неразрывно связанных полюса в социальной структуре индустриального общества, где потребление образует вторую половину жизни «среднего» (массового) человека, субъективно более ценную и значимую для него, чем производство. В этом разрыве и столкновении потребления и производства проявляется отмеченное еще Фрейдом противостояние принципа удовольствия и принципа реальности.

Ключевая черта идеологии в данный период заключается в том, что она становится функциональным формообразованием массовой культуры, ее отраженным свечением. Массовая культура составляет внутренний потенциал идеологии, определяет меру ее влияния на социальное поведение масс посредством культурных образцов. Идеология «питается» массовой культурой, поэтому расцвет последней может приводить к секуляризации идеологии, переходу ее из формы политической в иную – социально-организационную. Роль социально-организованного опыта в осуществлении социалистического проекта настоятельно подчеркивал ведущий теоретик «пролетарской» идеологии – Богданов, вынужденный пересмотреть взгляды Маркса не только в области философии, но и в отношении к идеологии и произвести переоценку роли идеологии в революции и строительстве социализма. Когда сегодня определяют идеологию как систему ценностей, обусловливающих ориентацию человека в мире, имеется в виду секуляризованная идеология общества массового потребления.

Расцвет массовой культуры в России 1990-х гг., культуры крайне низкого качества, но, тем не менее, удовлетворяющей своему функциональному назначению, свидетельствует о том, что идеология советского периода сохранилась в нашем обществе, спустившись с высших этажей Системы (государственная политика, «высокая» культура, моральный кодекс, законодательство) вниз, в повседневную жизнь массового человека. Он остался советским человеком, homo ideologicus, винтиком социально-политической Машины, которая эксплуатирует его по-прежнему, но с помощью новых приемов – манипуляций, основанных не на страхе смерти, а на соблазне. Принцип удовольствия стал признанным стержневым началом жизни массового человека. Реальность заслоняется в глазах этого человека малохудожественными «картинами» многочисленных сериалов, дополняемых рекламными роликами. Характерно, что и сериал, и клип эстетически однородны и отвечают так называемому «художественному» вкусу массового заказчика-потребителя, запросу с его стороны.

Доминирование в постсоветском массовом обществе стиля ретро – следствие неспособности идеологии к стимулированию творчества. Идеология принципиально репродуктивна, ей нужен художественно, научно (и т. п.) значимый образец – продукт высокой культуры, формой (и авторитетом) которого (образца-раритета) она маски-

рует и маркирует свои копии-симулякры. Общество, захваченное идеологической деконструкцией сверху донизу, утрачивает способность к творчеству, креативность. Оно начинает «проедать» культурное наследие, классику – научную и художественную; более того, место классики теперь занимает «масскульт» советской эпохи. Новая массовая культура изначально вторична, она производит римейки второго порядка, истощая в итоге культурную почву до полной окаменелости. У такого общества попросту нет перспективы, поскольку оно утрачивает прошлое, подменив его виртуальной реальностью, сотканной из копий-симулякров.

Можно предположить, что постмодерн, так или иначе проявляющийся в формах постбытия высокой культуры в современном российском обществе, – показатель (и результат) идеологизации интеллектуальной элиты в массовом обществе. Высокая культура в массовом обществе переживает процесс идеологической деконструкции, как только ее представители ставят во главу угла успех, имеющий денежный эквивалент и сопровождаемый популярностью. Последнее прямо отсылает нас к массе – это те, кто платит за культурный продукт, кто восхищается его автором и т. п.

Состояние массовой культуры и идеологии в современном российском обществе характеризует те условия, в которых возможен (или невозможен) переход к новой методологии социального познания. Решимость и готовность отдельных ученых и научного сообщества к такому перелому – вещь важная, но не определяющая. Независимо от них существует интеллектуальный горизонт, ограничивающий осуществление новых проектов. Это – ситуация, когда, согласно поговорке, в новые мехи вливается старое вино. Дело в том, что в советской России марксизм был чем-то большим, чем одна из теоретических концепций исторического развития общества, чем один из методов познания – наряду с другими. Он, что называется, по определению не мог стоять ни в каком ряду с другими теориями и методами – как вершина (Ленин: «Монблан») науки, недоступная усредненному уму человека массового общества.

Марксизм в нашей социальной науке выступал в роли метаметодологии. За долгие годы в советской науке и в культуре в целом сложилось тесная связь между классическим типом рациональности, который был присущ науке и культуре XVII–XIX вв., с одной стороны, и советским марксизмом как метаметодологией социальной науки (говоря шире, метафизикой советской культуры в целом), с другой. Не только авторитет марксистского Учения, но и культура в целом предопределили возникновение того барьера на пути движения к новому мышлению, который сдерживал попытки выхода за пределы умственного горизонта классической рациональности, отбрасывая социальную науку к идеям и решениям, характерным для науки и философии первой половины XIX века. Но главной духовной «скрепой» оставалась идеология, менявшая функции и формы по мере эволюции массовой культуры, политического режима, государства и т. п. и определявшая господствующий (нормативно «правильный») тип мышления.

Соответственно, и изживание марксизма возможно в русле деидеологизации, суть которой не в отказе от марксизма и переходе к какой-то иной идеологии из числа существующих (либерализм, консерватизм) либо вновь разработанной (например, идеологии государственного патриотизма), а в кардинальной смене типа мышления, той его метаметодологии, которая складывается под воздействием кода индустриального общества. Причем, это воздействие получает идеологическое закрепление, санкцию. В этом смысле отказ от марксизма становится неизбежным и, по сути дела, побочным следствием преодоления прежней метаметодологии. Но, вместе с тем, отказ от советского марксизма может привести и, как показывает опыт последних двадцати пяти лет, приводит к преодолению кода индустриализма, ибо другие варианты индустриалистского мышления (например, позитивизм или прагматизм) у нас исторически отсутствуют, не имеют корней в культурной почве. Этот выход из-под влияния индустриального кода и, соответственно, обесценивание в глазах массового индивида классической рациональности приводят к расцвету иррационализма в массовом сознании, к повальным увлечениям мистикой, спиритуализмом, нетрадиционными религиозными взглядами.

На наш взгляд, промежуточным этапом на пути к новой метаметодологии может стать формирование нового дискурса, который мог бы заменить (вытеснить) дискурс революции в структуре методологии социального познания. Для современной России характерно «половодье» дискурсов,

вышедших на поверхность общественной жизни, в публичное пространство массовой коммуникации после крушения официальной идеологической доктрины. Ввиду отсутствия в обществе более или менее устойчивой, закрепленной в культуре традиции согласия, разветвленной сети медиативных практик новорожденные дискурсы оказались в принципе незавершаемыми, остались в фазе «речи», не достигнув конечного состояния «языка». Анархичное сосуществование большого количества дискурс-«речей», напоминающее гоббсовскую войну всех против всех, закрепляет эту духовную и политическую раздробленность в обществе, атмосферу взаимного неприятия, боязни «другого», который воспринимается не просто как «чужой», но как олицетворение угрозы практически апокалиптического характера. Отсюда нетерпимость к иному мнению, к иной позиции по любому вопросу, от обыденного до макрополитического, отсюда накал ведущихся в обществе дискуссий и споров, их эмоциональная перегруженность. Это скорее диалог «глухих», столкновение монологических «речей», цель которых – манифестация своего «Я», а не достижение договоренности по актуальному вопросу.

Вопрос о том, каким должен быть новый дискурс, является открытым. По крайней мере, его открытие должно быть сделано не «на кончике пера», не путем теоретических рассуждений, а в самой реальности – в культуре. Новый дискурс должен быть подчинен задаче поэтапного конструирования не будущего, а настоящего; конструирования, предполагающего маятниковое перемещение от одной позиции к другой, противоположной. Это челночное движение представляет собой процедуру сближения полярных точек зрения и выработки «общей» позиции. В этом отношении дискурс становится средством преодоления хаотичного разнообразия в пользу порядка; преодоления, основанного на добровольном самоограничении, готовности каждой из дискутирующих сторон к уступкам ради достижения согласия.

Но для складывания дискурса данного типа необходимо одно условие – становление и укрепление институтов демократии. Модель демократии, ее «качество» – все это вещи, производные от состояния культурной почвы, во-первых, и от укрепления в человеческой массе личного начала – чувства собственного достоинства, сознания своих прав и свобод, способности к согласованию целей и задач с другими на основе обмена, взаимных уступок, баланса интересов и духовных ценностей и т. п. Институты демократии жизнеспособны лишь при определенном уровне цивилизации в обществе, и главный показатель этого уровня – не степень материального благосостояния, а готовность общества и государства (именно в таком порядке) способствовать осуществлению прав и свобод человека.

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.

2. Богданов А. А. Тектология: всеобщая организационная наука : в 2 кн. Кн. 1. М. : Экономика, 1989. 304 с.

3. Бэкон Ф. Великое Восстановление Наук // Бэкон Ф. Соч. : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1971. С. 57–546.

4. Декарт Р. Соч. : в 2 т. Т. I. М. : Мысль, 1989. 654 с.

5. Кант И. Критика чистого разума. М. : Мысль, 1994. 391 с.

6. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М. : Мысль, 1997. 639 с.

7. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. М. : Политиздат, 1955. 629 с.

8. Морозов Н. Менталитет русских: понятие, структура // Вестник Российской нации. 2012. № 1. С. 67–88.

9. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М. : Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.

10. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М. : Изд. дом гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. 256 с.

11. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 480 с.

12. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М. : Весь мир, 2003. 416 с.

13. Шпенглер О. Закат Европы. Т. I. Образ и действительность. Новосибирск : Наука : Сибирская издательская фирма, 1993. 592 с.

14. Энгельс Ф. [Письмо] Ф. Мерингу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 39. С. 82–86.

15. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 339–626.

References

1. Berger P., Lukman T. (1995) Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znanija. Moscow, Medium, 323 p. [in Rus].

2. Bogdanov A.A. (1989) Tektologija: (Vseobshhaja organizacionnaja nauka): 2 kn. Kn. 1. Moscow, Jekonomika, 304 p. [in Rus].

3. Bjekon F. (1971) Velikoe Vosstanovlenie Nauk / Bjekon F. Soch.: v 2 t. T.1. Moscow, Mysl', pp. 57-546 [in Rus].
4. Dekart R. (1989) Soch.: v 2 t. T. I. Moscow, Mysl', 654 p. [in Rus].
5. Kant I. 91994) Kritika chistogo razuma. Moscow, Mysl', 391 p. [in Rus].
6. Makiavelli N. (1997) Gosudar'. Rassuzhdenija o pervoj dekade Tita Livija. O voennom iskusstve. Moscow, Mysl', 639 p. [in Rus].
7. Marks K., Jengel's F. (1955) Nemeckaja ideologija // Marks K., Jengel's F. Soch. 2-e izd. T. 3. Moscow, Politizdat, 629 p. [in Rus].
8. Morozov N. (2012) *Vestnik Rossijskoj nacii*, no. 1. pp. 67–88 [in Rus].
9. Moskovichi S. (1998) Vek tolp. Istoricheskij traktat po psihologii mass. Moscow, Centr psihologii i psihoterapii, 480 p. [in Rus].
10. Nort D. (2010) Ponimanie processa jekonomicheskih izmenenij. Moscow, Izdatel'skij dom Gosudastvennogo universitetata – Vysshej shkoly jekonomiki, 256 p. [in Rus].
11. Nort D., Uollis Dzh., Vajngast B. (2011) Nasilie i social'nye porjadki. Konceptual'nye ramki dlja interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva. Moscow, Izdatel'stvovo Instituta Gajdara, 480 p. [in Rus].
12. Habermas Ju. (2003) Filosofskij diskurs o moderne. Moscow, Ves' mir, 416 p. [in Rus].
13. Shpengler O. (1993) Zakat Evropy. T. I. Obraz i dejstvitel'nost'. Novosibirsk, Nauka, Sibirskaja izdatel'skaja firma, 592 p. [in Rus].
14. Jengel's F. [Pis'mo] F. Meringu // Marks K., Jengel's F. Soch. 2-e izd. T. 39. pp. 82–86. [in Rus].
15. Jengel's F. Dialektika prirody // Marks K., Jengel's F. Soch. 2-e izd. T. 20. pp. 339–626. [in Rus].

For citing: Skorobogatskaya N.A., Skorobogatsky V.V. Problem of methodology of social cognition in the light of design principle (background information) // Socium i vlast. 2018. № 1 (69). P. 7–17.

UDC 101.1: 316

PROBLEM OF METHODOLOGY OF SOCIAL COGNITION IN THE LIGHT OF DESIGN PRINCIPLE (background information)

Skorobogatskaya Natalya Aleksandrovna,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Eltsin,
Associate Professor, Cand.Sc. (Philosophy),
Russian Federation, 620002, Yekaterinburg,
Mira Street, d. 19.
E-mail: vyacheslav.skorobogatsky@ui.ranepa.ru

Skorobogatsky Vyacheslav Vasilyevich,
Ural Institute of Management, Branch of RANEPA,
Professor, Doctor of Philosophy,
Russian Federation, 620144, Yekaterinburg,
8 Marta Street, d.66.
E-mail: vyacheslav.skorobogatsky@ui.ranepa.ru

Annotation
The article dwells upon the problem of forming the methodology of social cognition and its historic evolution. Proceeding rom the assumption that a design principle has a key role in this process, the authors try to reveal the conditions and reasons for ideologization of social cognition in the Soviet science of the XX century.
Ulterior motive for stagnation in the sphere of methodology of social cognition in modern Russian science is the discourse of revolution. It was formed under the influence of system transformation of European society in the spheres of politics, economy, social institutions, and culture. Under the name of Marxian dialectic it has become not only metamethodology of social science but had a negative effect in some branches of natural science and mathematics.
As the first step of renovating methodology of social cognition the authors consider deideologization as a process of eliminating the discourse of revolution and creating conditions for forming a new general scientific discourse.

Key concepts:
methodology of social cognition,
design principle,
ideology,
dialectic as discourse of revolution,
metamethodology.